

В полдень Дуаньму Цин повел Девятнадцатого в трактир поесть. Говорят, враги всегда встречаются на узкой дороге, и это утверждение оказалось верным. В прошлый раз, гуляя у озера, они столкнулись с Лин Чэнем, и Девятнадцатый разозлился. На этот раз, зайдя перекусить, они снова наткнулись на него.

В трактире было слишком много посетителей, и отдельных комнат не осталось. Девятнадцатый не хотел усложнять, поэтому Дуаньму Цин последовал его совету и не стал искать другое место. Он приказал официанту подать фирменные блюда и кувшин вина «Ньюэрхун», налил себе и подкладывал еду Девятнадцатому.

Никто не ожидал, что они снова встретят Лин Чэня. Девятнадцатый, сидевший к нему спиной, не заметил врага, но Дуаньму Цин сразу увидел. Он сделал вид, что не заметил, и продолжил подкладывать еду Девятнадцатому.

После того как Лин Чэнь сбежал в прошлый раз, Дуаньму Цин приказал собрать о нем сведения. Не удалось выяснить, у какого учителя он обучался, но, как и предполагал Дуаньму Цин, он, как и Шэнь Нань, принадлежал к тому самому тайному клану — то ли Врата Гу, то ли что-то еще, — скрывающимся в тени, словно крысы.

Кажется, каждый ветреный красавец должен держать в руках веер. Лин Чэнь не был исключением. Он то открывал, то закрывал веер, и в мгновение ока оказался у их стола.

Дуаньму Цин уже много раз бросил на него угрожающие взгляды, предупреждая, чтобы тот не приближался и не портил аппетит Девятнадцатому. Но в этом мире слишком много наглецов, и Лин Чэнь сделал вид, что не заметил взгляда Дуаньму Цина, совершенно спокойно подошел к ним.

Он специально подошел к Девятнадцатому, принял позу, которую считал изящной, и спросил:

— Господин, свободных столиков больше нет, не позволит ли мне присоединиться к вам?

Девятнадцатый не ответил. С такими людьми он обычно не общался, зная, что Дуаньму Цин сам разберется.

И действительно, увидев, что Лин Чэнь подошел к Девятнадцатому, Дуаньму Цин сразу изменился в лице. Одна палочка для еды полетела в сторону Лин Чэня, пронзив его веер.

Лин Чэнь выдернул палочку и бросил ее обратно тем же способом. Дуаньму Цин использовал внутреннюю энергию, и палочка упала на пол. Девятнадцатый достал новую пару и протянул Дуаньму Цину.

Лин Чэнь не обратил внимания на их холодность, сел самовольно рядом с Девятнадцатым. Тот явно отодвинулся.

Он отодвинулся, а Лин Чэнь пододвинулся. С насмешливой интонацией он добавил:

— Ой, не уходи так далеко. Я выгляжу не хуже него...

Дуаньму Цин окончательно разозлился, ударил ладонью по столу, и тот разлетелся в щепки.

Девятнадцатый тут же подскочил к Дуаньму Цину, схватив его за рукав:

— Хозяин, успокойтесь. Я сижу далеко от него.

Лин Чэнь раскрыл веер с дыркой, помахал им и беззаботно сказал:

— Ой, зачем так злиться? Может, завидуешь моей красивой мордашке?

— Хе-хе, у господина действительно большое самомнение, — Девятнадцатый был в недоумении. Как они снова наткнулись на Лин Чэня? Когда Дуаньму Цин подкладывал ему еду, он заметил, что тот смотрит как-то странно, но не стал оборачиваться. Кто бы мог подумать, что это Лин Чэнь!

Дуаньму Цин не стал тратить время на разговоры и сразу начал атаковать. В трактире было тесно, и через несколько движений столы и стулья разлетелись в щепки. Посетители в панике разбежались. Девятнадцатый бросил серебро в качестве компенсации владельцу и побежал за Дуаньму Цином и Лин Чэнем, которые уже вышли на улицу.

Лин Чэнь знал, что не сможет победить Дуаньму Цином, и не стал упорствовать. После нескольких обменов ударами он сдался:

— Владыка Башни Цинчэн действительно оправдывает свою славу. Я не достиг такого мастерства, как вы, и признаю поражение.

Дуаньму Цин не замедлил атак, и Лин Чэнь был вынужден использовать легкую поступь, чтобы сбежать. Девятнадцатый преградил путь Дуаньму Цину, который хотел продолжить преследование:

— Хозяин, я думаю, у него нет злых намерений. Давайте просто отправим тайных стражей следить за ним.

Перед тем как уйти, Лин Чэнь обронил нефритовую подвеску. Дуаньму Цин поднял ее, задумавшись.

На обратном пути он ревниво сказал:

— Впредь не говори при мне о других мужчинах, даже в мыслях!

Девятнадцатый: «...»

Второй тур Фестиваля Сотни Цветов состоял из выступлений. Толпа мужчин и женщин соревновалась в танцах, игре на музыкальных инструментах, стихосложении... Многообразия и изобилие, но при этом скучно до невозможности.

Сидя на том же дереве, Девятнадцатый устроился в объятиях Дуаньму Цином, наблюдая за женщиной, игравшей на гуцине в центре сцены. Музыка была чарующей, а движения изящными. Время от времени она поднимала взгляд на судей, и каждый ее жест был полон очарования, мгновенно завоевывая симпатию жюри.

Девятнадцатому показалось, что эта женщина ему знакома. Он вспомнил, где видел ее: это была та самая, что кричала «Держи вора!».

Девятнадцатый слишком долго смотрел на нее, и Дуаньму Цин повернул его голову к себе:

— Смотри на меня, не на нее!

— Хозяин... — Ты не можешь ревновать в любой момент, — он не осмелился сказать это вслух, но сразу добавил:

— Не волнуйтесь, мне не интересны эти пестрые люди!

Дуаньму Цин замолчал: стоит ли ему больше носить красную и зеленую одежду?

Музыка женщины на сцене стала еще более изысканной, и она украдкой бросила взгляд в их сторону. Девятнадцатый, лицом к Дуаньму Цину, не заметил этого, но Дуаньму Цин уловил ее взгляд сразу. Она подмигнула ему, напомнив о том, как она горячо благодарила их в тот день.

Слушая, Дуаньму Цин почувствовал нечто необычное. В музыке было что-то странное: она могла временно заблокировать внутреннюю энергию. У Девятнадцатого мастерство было ниже, и он еще не осознавал опасности, способной незаметно поразить его.

Дуаньму Цин тут же закрыл уши Девятнадцатого, чтобы тот больше не слышал. Он подал знак тайным стражам, чтобы те были начеку.

Девятнадцатый недоумевал, но, увидев серьезное выражение лица Дуаньму Цина, понял, что что-то не так. Он позволил Дуаньму Цину зажать свои уши и прижал голову к его груди.

Девятнадцатый совсем не чувствовал угрозы. Он естественно обнял Дуаньму Цина за талию, уткнулся лицом в его грудь и время от времени терся волосами о его подбородок.

Эта привычка была выработана у него Дуаньму Цином. Даже сейчас, когда это казалось неуместным, он не стал останавливать его. Что бы ни хотел сделать Девятнадцатый, Дуаньму Цин позволял ему, независимо от времени и места. В конце концов, это всего лишь объятия, ничего страшного.

Женщина на сцене завершила выступление, и судьи высоко оценили ее. Она успешно прошла в следующий тур.

Дуаньму Цин отпустил Девятнадцатого, погладил его по голове:

— Не душно ли тебе, а?

Девятнадцатый положил подбородок на его плечо, длинные волосы рассыпались по шее Дуаньму Цина. Сегодня Девятнадцатый не собрал волосы в пучок, лишь слегка завязал их, и они свободно ниспадали, придавая ему особый шарм.

Дуаньму Цин накрутил прядь волос Девятнадцатого на палец и начал играть с ней. Когда ему надоело, Девятнадцатый выпрямился и спросил:

— Хозяин, что случилось?

Обняв Девятнадцатого, Дуаньму Цин ответил:

— Музыка той женщины была с подвохом, она способна сковать внутреннюю энергию.

Девятнадцатый промолчал. Они с Дуаньму Цином то сидели, то лежали на дереве, меняя позы. Те, кто, обладая хорошим мастерством, сидел на соседних деревьях, с удивлением наблюдали за ними. Насколько же нужно быть сильным, чтобы чувствовать себя на дереве так же комфортно, как на кровати.

Дуаньму Цин поручил Одиннадцатому и Четырнадцатому наблюдать за происходящим, а сам с Девятнадцатым ушел. Смотреть на эти самодеятельные представления было скучно.

После первого отборочного тура остались только свои люди. Они разыгрывали представление, чтобы в итоге занять первое место, и 100 000 лянов серебра в итоге попали бы в их карманы. Весь этот шумный отбор был лишь для того, чтобы показать невежественным простолюдинам, что их усилия не пропали даром, хотя они так и не нашли человека с татуировкой листа на плече.

Почти все отправились смотреть Фестиваль Сотни Цветов, и улицы опустели. Некоторые лавки закрылись, чтобы полюбоваться на так называемых красавиц и красавцев.

Дуаньму Цин почувствовал убийственное намерение. Это было не только из-за его высокого мастерства, но и благодаря многолетнему опыту жизни в мире боевых искусств.

Девятнадцатый тоже почувствовал это. За годы службы тайным стражем он выработал чутье на опасность. Если бы он чувствовал угрозу только тогда, когда она уже на пороге, он был бы бесполезен и недостоин звания тайного стража.

Автор хочет сказать:

Девятнадцатый: Нам, тайным стражам, что, совесть не позволяет?

Дуаньму Цин: А ты чего хочешь?

Девятнадцатый: Конечно, быть сверху!

<http://bllate.org/book/16706/1535119>